

У Б Е Ж Д А Ю Т

верны своей приверженности к характерам крупным, ярким.

Характер женщины волевой, энергичной, трудолюбивой создает и К. Незванова — актриса, у которой сильно развито чувство ответственности за каждую минуту своего пребывания на сцене. Стоит ей молча пройти по комнате своей уверенной тяжелой походкой и сразу успокаиваешься: эта немолодая, глубоко интеллигентная женщина все выдержит. Она поможет и своей внучке, не даст ей извернуться в жизни, замкнуться в своей обиде. Зрители поверили актрисе и надолго запомнят Анастасию Павловну не только как хозяйку дома, где умели верно ждать, но и как подлинную хозяйку жизни.

Хозяин жизни — это тот, кто преобразует ее своим трудом. Простой человек, а не ходоульный герой. Это человек, что живет рядом с тобой, это ты сам — как бы говорит театр своим зрителем. Поэтому так просто, естественно по интонации многие его спектакли и так похожи их герои на тех, кто их смотрит из зала.

Но не только в героях сегодняшних видит Ярославцы хозяев жизни. Для театра жизни тот, кто творит вечное, непреходящее, когда бы он ни жил. Эта мысль красной чертой проходит через один из лучших спектаклей Ярославцев — «Федор Волков».

...У Сумарокова идет репетиция его пьесы «Синав и Трувор». Автор требует от исполнителей декламации напыщенно-возвышенной. Вол-

кову же, актеру «русее русского», холодная условность французского классицизма органически чужда, и он постоянно «сбивается» на глубоко прочувствованное, сердечное прочтение роли. Федору сильно мешается, что вместо отсутствующего Дмитревского женскую роль, запинаясь, ведет не знающий текста Шумский. И вдруг приглушенно звучит женский голос. Голос крепнет. Он так музыкален и торжествен, так подлинно артистичен, что потрясает не только Волкова, его друзей, но и нас, сидящих в зале. Это крепостная девушка Аленка не вытерпела и стала читать давно выученную наизусть роль.

Небольшая пауза. Прошло первое потрясение, и радостный Волков, опасаясь нарушить возникшую вдруг атмосферу подлинного творчества, высокий накал чувств, торопится продолжить репетицию, в которую включилась теперь Аленка. Сила ее таланта снесла преграду застенчивости, и самозавбавно, ведет она роль Ильмень в паре с тайно любимым ею Федором Волковым.

Сложнейшая сцена театра в театре! И в посерьезневших, преобразивших лицах зрителей долго еще угадываются переполняющие их ощущения. Будто прикоснулись они к чему-то прекрасному... Как будто присутствовали они при рождении русской исполнительской манеры, русского драматического искусства. И театр, как бы принявший эстафету реализма и народности сценического искусства от своего знаменитого земляка, с честью несет ее сегодня до своего зрителя.

На спектаклях Ярославцев последний раз убеждаешься, что коллектив богат крупными мастерами, для которых, как и для их главного режиссера Ф. Шишгина — художника смелого и яркого, всегда ясно, о чем они будут говорить со зрителем и с каких позиций расценивать своих героев. Это позиция художника, взявших на вооружение метод социалистического реализма. Недаром театру всегда была близка драматургия М. Горького. На этот раз волжане привезли в Москву «Детей солнца». «Дети солнца», заявил театр, — это не хозяева жизни! — и сурово обличил прекраснотворящих героев, оторванных от народа, далеких от жизни, лишенных людей.

Привез театр в Москву и «Василису Мелентьеву» А. Островского. Нельзя не остановиться на ярких актерских работах спектакля. Кто видел фильм «Дело Артамоновых», несомненно, помнит могучего Илью. Трудно было примириться со смертью этого крупного, незаурядного человека, еще труднее по окончании фильма расставаться с удивительным актером, его игравшим — С. Ромодановым.

И вот теперь вышел на сцену быстрый, порывистый, немолодой уже самодержец, грозно повел вокруг острыми безжалостными глазами, и замерли, затравив дыхание, бородастые бояре. Хищный, злоебщий опустился на трон, стремительным движением возник в пол устремляющийся металлический посох, замер в угрожающем спокойствии — и зал не только сразу узнал в нем Ивана

Грозного, но и ощутил все напряжение и сгущенную тяжесть, охватившую бояр в присутствии злоебщего насторожившегося царя. А тяжелые сроды царской палаты, нависшие над головами бояр, еще больше сгущали эту угнетающую атмосферу.

Так произошла новая встреча москвичей с волжским актером Ромодановым, покорившим зал точностью и яркостью предельно заостренного рисунка роли.

...Цепкий, хищный взгляд царя установился на молодой вдове, а Василиса даже и не потупилась и еще, глядяте, довольна! Ох, опасную игру затеяла эта женщина, страстно жаждущая власти! Коварная, смелая, честолюбивая Василиса в исполнении Л. Макаровой — натура незаурядная. Удастая вдова просто веревки выет из влюбленного в нее Андрея Колычева. Вскоре и сам Малютя начинает побаваться властью, вероломной Василисы. Царь же готов выполнить любое ее желание. Умная, сильная женщина с поражающим спокойствием скрывает свои черные, жестокие замыслы. Внутренний огонь сжигает Василису — огонь жажды власти. Огонь этот сжигает ее любовь, совесть и, наконец, жизнь.

И все же, несмотря на значительные актерские работы, не очень понятно, почему театр обратился к далеко не лучшей драме А. Н. Островского.

Спектакли гостей волнуют не только тонким психологическим решением характеров, но и созданием интересных зрительных образов, мизансцен. И в скульптурно отточенном актером С. Ромодановым образе Грозного (в нем как бы оживает мраморный

самодержец Антокольского), и в мизансценах «Федора Волкова», где на ватагу волжских бурлаков наступают оголенные православные (вспомните «Крестный ход» Репина), и в кликушеских выкриках юродивого (очень похожего на сурикоского), да и вообще в зрительном образе многих сцен и характеров ощущается стремление театра не только к исторической достоверности. Нет! Гораздо важнее, что эти ассоциации, растревожив эмоциональную память зрителя, его фантазия, рождают глубоко обобщенное восприятие сценического действия, того или другого персонажа «во времени и пространстве».

Ярославцы показали также на гастролях спектакли, которые, быть может, и не так уж плохи, но на афише Волковского театра видеть их скорее досадно.

Нельзя, например, отнестись к творческим победам театра «Вендетту» Н. Винникова. Спектакль выглядит развлекательным, пустоватым. Его не спасают ни бодрый ритм, ни изобретательность режиссера (Н. Михоэлс), ни веселая музыка композитора А. Шенгеля. И порой становится жаль актеров, занятых в этой неглубокой комедии.

В круг жизненных тем, взятых театром на вооружение, не вписывается и «Каса маре»...

Нам кажется, что Ярославский театр имени Ф. Волкова побеждает тогда, когда опирается на песни крупные, активного жизнеутверждающего звучания, когда он во весь голос говорит о подлинных хозяевах жизни, по-хозяйски, добротнотроя свой репертуар на близкий ему по устремлениям драматургии.

Д. АБРАМОВА.